

Л.А. Озеров

«На пороге как бы двойного бытия...»

<...> «Silentium!» — это хрестоматийное стихотворение, которым обычно характеризовали Тютчева как человека, не верящего в силу слова, написано в 1830 году. Обращает на себя внимание восклицательный знак. Не просто «Молчание», а — «Молчание!». Это усилено императивной интонацией первых же двух строк:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои.

Пусть твои «чувства и мечты» остаются при тебе. Не пытайся их выразить. Полнота духовного выражения невоплотима.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

Дальше уж некуда. Не просто неточность, неполнота, частичность выражения мира души в слове, а — ложь.

Однажды, вспоминается, в беседе с Н.А. Асеевым мы коснулись этого простого и загадочного стихотворения. «Это писал дипломат, не забывайте». «Вы хотите сказать, — подхватил я мысль Асеева, — что Тютчев здесь подсказывает нам слова Талейрана: мол, первое движение души благородно, посему его надо опасаться и молчать...» — «Конечно!» — обрадовался Асеев. «О нет, — возразил я, — Тютчев в поэзии не был дипломатом, именно поэзия давала ему возможность сбросить с себя чиновничий мундир!» И я развернул перед старым русским мастером свои доводы.

Обычно стихотворение «Silentium!» рассматривалось изолированно от других стихотворений поэта, от всего его творчества. Категоричность строк этого стихотворения приводила к столь же решительным и резким характеристикам поэзии Тютчева. Каким именно? Скептик, пессимист, агностик, и далее — как следствие — «искусство для искусства».

Вместе с тем стихотворение это надо рассматривать в контексте всего его творчества, в живой связи его явлений. Читая и вчитываясь в него, надо помнить об его антитезе, об антиномичности мышления Тютчева вообще. Наконец, надо помнить и знать, что самым своим творчеством Тютчев явил пример того, как в отношении силы слова он сам — поэт — противостоит программному утверждению своему об эфемерности слова, об относительности его и зыбкости.

Тема «молчание» — традиционна с древних времен. Молчание содержательно, ибо «бессодержательную речь всегда легко в слова облечь» (Гёте). Молчание трудно опровергнуть. Кто не умеет молчать, тот редко говорит умно. «Молчание в любви важнее слов» (Паскаль). В молчании раскрывается бездна смысла, в словах же эта бездна только мелькает, и то редко. У молчания романтический ореол, у слова же огромная шумная родня. Одним словом, не лучше ли молчать? Ответ — у Р.-М. Рильке: «Есть гимны у меня, которые молчу».

Поэзия Востока и Запада дает немало примеров того, как великие мастера слова сетовали на самое слово, на то, что оно тень от тени переживания, мысли, явления.

У поэтов Востока «молчание» — частый мотив. Рудаки, живший в IX–X веках, говорил: «от слов своих бывал я огорченным, бывал я рад словам неизреченным» (здесь переводчик, несомненно, перелagal стихи эти, оглядываясь на «Silentium!» — «мысль изреченная»). У Абу-Саида: «Лишь молчанье могуче — все же иное здесь слабость».

То же у Абая Кунанбаева, классика казахской поэзии: «Как ни прекрасна мысль, но, пройдя через уста, она бледнеет».

Фет мечтал: «О, если б без слова сказаться душой было можно». Об этом же в своих поговорах и поговорках говорит народ: «Слово серебро, молчанье — золото». Вероятно, можно составить солидный свод подобных изречений.

«Silenium!» — раздумье поэта над природой высказывания, еще шире — над природой творчества, над процессом воплощения замысла.

Если понимать это стихотворение буквально, то получается нонсенс: поэт не верит в мысль, воплощенную в слове. При таком понимании это стихотворение выглядит надуманным и тенденциозно-односторонним. Здесь дело в ином. Тютчев работал на больших духовных глубинах или — еще точнее — высотах. Слово с трудом поспевало за мыслью. Душа поэта была океаном, а мысль, воплощенная в слове, — лишь пеной на нем. Слово, после того как поэт отпыляет, переболеет, кажется ему слабым и бледным отпечатком от недавних чувств и мыслей. В слове так мало остается от недавнего кипения страстей в душе поэта, что оно кажется чуждым, ложью. «Silentium!» — это речь об отношении автора к своим произведениям, замысла к воплощению, мысли к слову. Отсюда и диагноз, который мог бы прозвучать по-русски мягко: «Молчание», — а прозвучал на врачебной латыни — сурово и четко: «Silentium!»

Наследие Тютчева говорит об обратном: все те случаи, когда он не молчал, — говорила сама душа его, сама поэзия. А как же быть с молчанием? По этому поводу у современника нашего, Николая Ушакова, есть верные слова: «Чем продолжительней молчанье, тем удивительнее речь».

«Silentium!» имеет творческое продолжение в «Фонтане» (1836). От одного стихотворения к другому прочерчивается прямая линия.

<...>